

Основания идентичности постсоветских политических режимов

Владимир Егоров

Несмотря на общность исторических судеб народов и стран постсоветского пространства, в отечественной политологии неоправданно мало внимания уделяется сравнительному анализу особенностей политического развития новых независимых государств. Имеющиеся работы такой направленности составляют скорее исключение из общего правила¹. Однако взаимообусловленность процессов, происходящих в мире, и особая роль явлений, способствующих или препятствующих формированию региональных сообществ, настоятельно диктует необходимость восполнения имеющегося пробела в общественном знании.

Политический строй постсоветских независимых государств имеет общую особенность, обусловленную историческим контекстом ситуации, его породившей. По мнению большинства исследователей новых независимых государств, характерной чертой их политического ландшафта является незрелость форм политической организации, в том числе «национально-государ-

ственных образований», не обладающих формальным набором признаков суверенных государств².

Причина «недосуверенизации» заключается в «нерешаемом в рамках отдельных частей бывшего государства» комплекса проблем, связанных, прежде всего, с невозможностью полноценного самостоятельного экономического развития. В условиях отсутствия материальной осно-

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, первый заместитель директора Института стран СНГ, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета. *E-mail:* korika@mail.ru

Ключевые слова: политические режимы, постсоветское пространство, демократизация, современные тренды общественно-политического развития.

вы поддержание функционального состояния новых государственных образований обеспечивается в большей части «политико-идеологическими методами»³.

У кормила политической стратегии новых независимых государств (ННГ) оказалась партийно-советская номенклатура, составлявшая «страновой хребет» прежней командно-административной системы. Несмотря на то что сегодня на смену «старой гвардии» пришла национальная элита с обновленными ценностями и ориентирами, заданный стиль управления и его инструментарий, основанный на методах, характерных советскому прошлому, остаются реальностью.

С другой стороны, подобрав «потерянную власть» в большинстве случаев «руками, ее обронившими», представители новой/старой политической элиты в известной степени осознанно, чтобы подчеркнуть закономерность падения прежнего режима и своего позиционирования от него, разрушают естественную преемственность политического развития. Замечательно, что даже большевистская верхушка, не имевшая в своем составе представителей прежнего политического истеблишмента, тем не менее после завоевания власти активно использовала унаследованный багаж внутренней политики. В качестве лишь одного доказательства, далеко не исчерпывающего все факты в пользу такого утверждения, можно сослаться на использование советской номенклатурой опыта осуществления экстраординарных мер обеспечения жизнедеятельности населения в военное время, практиковавшееся царской администрацией.

Напротив, установка на полный разрыв с советским строем привела политические режимы новых независимых государств к принятию целого ряда необдуманных управленческих решений, зачастую ставивших под сомнение существование независимой государственности.

Несмотря на то что во многих новых независимых государствах основу правящего класса, и даже его высшего эшелона, составила бывшая партноменклатура, а просоветские жизненные ценности в обществе остаются значимыми, критика социалистических ценностей стала фундаментом декларируемого целеполагания новой власти. Парадоксальность такого положения дел проявляется при обращении к данным, характеризующим настроение населения постсоветских стран.

По данным международного агентства «Евразийский мониторинг», полученным весной 2009 г., значительная часть населения большинства ННГ считает распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX в.⁴ (рис. 1.).

Суждения, представленные респондентам:

1. Распад Советского Союза – крупнейшая геополитическая катастрофа XX в., принесящая страдания и беды его народам.

2. Распад Советского Союза – закономерный и естественный финал коммунистической империи, давший возможность народам СССР обрести свободу и независимость.

«Антисоветская» направленность выбора вариантов ответов характерна только для жителей четырех стран: прибалтийских республик и Грузии, где от трети до половины участников опроса поддержали мнение, что «распад СССР – закономерный и естественный процесс, финал коммунистической империи». «Катастрофой» распад СССР считают от 12% населения в Литве и до 28% в Латвии.

В Молдавии и Азербайджане отношение к распаду СССР как катастрофе демонстриру-

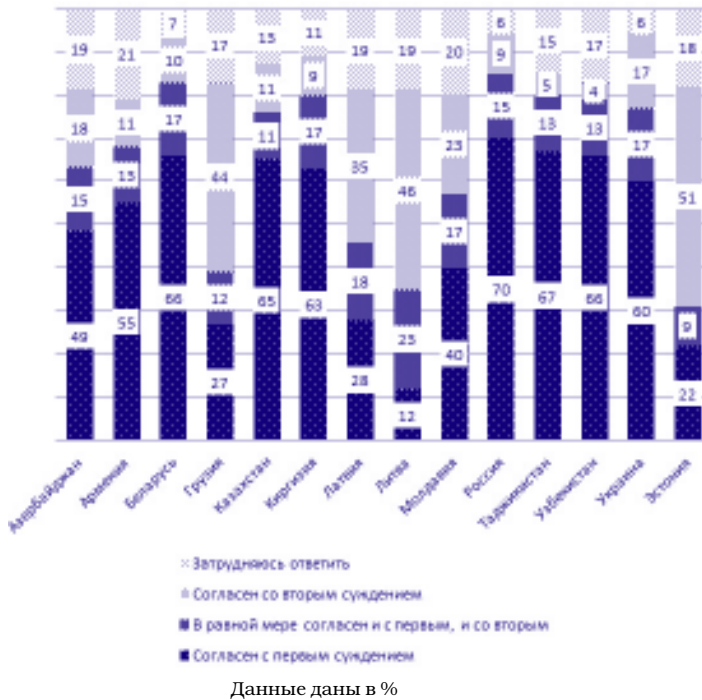

Рис. 1. Отношение населения постсоветских стран к распаду СССР

ют немногим менее половины граждан (40% и 49% соответственно). Граждане постсоветских среднеазиатских республик, а также России, Белоруссии, Украины и Армении в своем большинстве сохраняют лояльность социалистическим ценностям.

Результаты опроса населения Украины весной 2011 г. компанией *Right&Bright* свидетельствуют о том, что в случае если бы сейчас был задан вопрос референдуму 17 марта 1991 г. о сохранении независимости СССР: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной Федерации равноправных суверенных республик, в которой в полной мере будут гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» – утвердительно ответили бы 47% украинцев⁵.

Несмотря на то что отношение к советскому прошлому значительной доли населения постсоветского пространства остается положительным, власть новых независимых государств широко использует антисоветскую риторику.

Так, на церемонии поднятия флага Тюркского совета, в который входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция, президент Казахстана Н.Назарбаев заявил: «Мы живем на родине всего тюркского народа. После того, как в 1861 г. был убит последний казахский хан, мы были колонией Российского царства, затем Советского Союза»⁶.

Значительным ригоризмом отличается антисоветская позиция узбекского лидера

И.Каримова. Выступая на праздничном заседании по поводу девятнадцатой годовщины принятия Конституции, он призвал граждан не ностальгировать по СССР, а молодежь не поддаваться на советскую пропаганду: «В ближайшее время на постсоветском пространстве активизируются силы, которые, пользуясь тем, что молодое поколение не имеет достаточно-го понятия о недавней истории, стремятся путем вымыслов возбудить ностальгию по советскому прошлому. При всем этом, забывая о тоталитарной сути советской империи, распад которой был обоснован, в первую очередь политической, экономической и идеологической несостоятельностью»⁷.

По распоряжению Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши из библиотек и учебных заведений страны были изъяты и уничтожены книги, «неправильно освещающие историю туркменского народа в период Октябрьской революции и во время советского государственного строительства»⁸.

Разрыв преемственности в экономических, социальных, политических составляющих исторического развития, добровольный отказ от выработанных обществом направлений продвижения реформационного процесса привели к редуцированию когнитивного и практического потенциала определения стратегии трансформации общественного устройства до заимствований «со стороны» нормативной модели.

Все пятнадцать образовавшихся на месте советского государства республик декларировали цель построения демократического общества с рыночной экономикой⁹.

При всех отличиях в механизмах формирования и функционирования единой общей чертой постсоветских политических режимов является демократический камуфляж.

Даже в Туркменистане, руководство которого менее всего заботится даже о видимо-

сти демократических перемен, Конституция декларирует «демократическое, правовое и светское государство»¹⁰.

Имитация приверженности демократическим ценностям восполняет отсутствие у постсоветских политических режимов четких идеологических ориентиров. С другой стороны, трансцендентность нормативной демократии постсоветскому социокультурному пространству компенсируется поиском традиционных или национально специфических моделей ее воплощения.

Так, выступая весной 1993 г. перед участниками очередного совещания старейшин, президент Туркменистана подчеркнул: «...по своему происхождению, характеру, духу туркменский народ очень демократичен. Вряд ли ошибусь, если назову Туркменистан родиной демократии, которую нам вернула обретенная независимость».

Искать и находить правильные решения, советуясь со своим народом, – это прерогатива демократически развитых стран. Мы гордимся перед всем миром нашей демократией – величайшим наследством наших отцов и дедов»¹¹.

Преемник первого президента этой страны Г.Бердымухамедов ввел в официальный лексикон понятие «национальная демократия, истоки которой восходят к традициям далеких предков»¹².

Специфической назвал демократию на Украине президент страны В.Янукович¹³.

В 2005–2006 гг. по инициативе В.Ю.Суркова широкое хождение приобрела концепция «суверенной демократии» России¹⁴.

Президент Казахстана Н.Назарбаев оптимистично утверждает, что страна идет в верном направлении к достижению «конечной цели» «демократии и свободы, которые есть на Западе», метафорично определив уровень ее достижения как «стакан, наполненный наполовину»¹⁵.

В общий контекст отказа от «советского прошлого», отмеченного в

том числе «негативным опытом пролетарского интернационализма» и поиска «национальной стратегии демократии», вписывается политический курс постсоветских режимов на этническую мобилизацию в отсутствие ощутимых результатов экономических преобразований, способствующий решению задачи консолидации общественных настроений. Построение национальных государств и наций с доминантой титульного этноса стало практически на всем постсоветском пространстве основной парадигмой формирования суверенной государственности.

Выбор пути укрепления государственности через национальную мобилизацию, вступающий в противоречие с нормами демократии, оборачивается нарушением элементарных прав человека.

Например, в Латвии искаженный путь упрочнения суверенитета продуцировал уродливое явление «неграждан»¹⁶. В результате целенаправленной политики коренизации важнейших сфер общественной жизни значительно снизился социальный статус представителей нетитульных национальностей в большинстве новых независимых государств¹⁷.

Воспроизводимый в постсоветских республиках **режим имитационной демократии**, помимо преференций, связанных с укреплением основ власти и ее международного положения, заведомо дезориентирует общество в выработке стратегии развития.

В современном общественном сознании все отчетливее проявляется понимание того, что «догонять» «демократический порядок» западного образца

эпохи свободного рыночного капитализма бесперспективно, «простое воспроизводство открытого Западом пути суть стратегическое отставание, возможно необратимое по последствиям»¹⁸.

Остается все меньше сторонников оценки происходящего в новых независимых государствах средствами транзитологии¹⁹. Бесплодность определения стратегии развития универсальными категориями западной цивилизации легализуется в официальных кругах правящей элиты.

Например, министр иностранных дел России С.В. Лавров, комментируя утвержденную в начале 2013 г. Концепцию внешней политики Российской Федерации, пишет: «Отказ от наработанных тысячелетиями традиционных ценностей, отрыв от собственных культурных и духовных корней, абсолютизация индивидуальных прав и свобод – это рецепт утраты каких-либо ориентиров как во внутренней, так и во внешней политике»²⁰.

Социально-экономическая и политическая неустойчивость режимов ННГ провоцирует автаркию как одну из очевидно проявляющихся линий поведения власти, направленной против даже гипотетической возможности трансформации современной России в центр регенерации новой государственности с участием бывших советских республик.

При этом центробежные тенденции, инициируемые руководством многих постсоветских стран, направленные на удаление ранее объединенных в одном государстве республик, по большому счету не отражают настроение населения постсоветского пространства. Для иллюстрации сказанного достаточно обратиться к результатам исследований Евразийского банка развития, осуществленных в 2012 г.²¹

Показатели удельного веса положительных оценок интеграции Белоруссии, Казахстана и России в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве выглядят следующим образом: Казахстан – 80%, Таджикистан – 76%, Россия – 72%.

Можно совершенно определенно утверждать, что центробежные тенденции на постсоветском пространстве инициируются в большей части не общественными потребностями новых независимых государств, а стремлением политического класса этих стран удержать под своим контролем обретенные в результате суверенизации политические и материальные предпочтения.

Например, при Г.Бердымухамедове, сменившем на посту президента Туркменистана ушедшего из жизни Туркменбаши, круг лиц, контролирующих ТЭК и имеющих доступ к его ресурсам, сократился до нескольких ключевых фигур, а Государственное агентство по управлению и использованию ресурсов при президенте Туркменистана (учрежденное в 2007 г.) монопольно распоряжается доходами от продажи нефтегазовых ресурсов (только 20% их общего объема идут на восполнение бюджетных потребностей)²².

Разность исходных условий, многообразие культурных традиций, неодинаковые возможности социально-экономической трансформации, степень внешнего влияния предопределили бифуркацию политического ландшафта постсоветского пространства. Одним из трендов политической динамики, сохраняющим актуальность и в настоящее время, стало вполне отчетливое **движение постсоветских режимов в сторону авторитаризма**^{23, 3} в его архаических или современных проявлениях. Отчасти тенденция авторитаризма фундируется попыткой

восполнить недостающие ресурсы модернизации, актуализировавшиеся в качестве императива постсоветского социально-экономического развития. С другой стороны, воспроизводство этой тенденции обеспечивается углублением кризиса либерально-демократической цивилизационной парадигмы. Однако главной причиной усиления авторитаризма является совершенствование механизма «доступа правящих кругов», в условиях имплицитности результатов экономических преобразований, к национальному достоянию. Неслучайно в этой связи авторитарные режимы получили логическую завершенность именно в странах с широкими возможностями экспорта, реэкспорта, транзита энергоносителей.

С таким выводом коррелируются положения доклада МВФ «Доход и демократия: пересмотр правила Липсета». Авторы доклада утверждают, что благосостояние, полученное от экспорта сырья, обуславливает усиление тенденций авторитаризма²⁴.

Целостная картина факторов, способствующих генерации авторитарного тренда новых независимых государств, требует указания на обстоятельство, связанное с условиями становления постсоветских режимов. Новый политический порядок не отражал и по настоящий момент не является продуктом волеизъявления большинства граждан. В такой ситуации реальная политическая конкуренция и ротация властной элиты затруднены потенциальной возможностью для уходящей администрации «отправиться в эмиграцию или даже пойти в тюрьму»⁹.

Каждая вновь обретающая власть политическая корпорация стремится

ся немедленно восстановить централизованную вертикаль и использовать для укрепления режима полный набор административных ресурсов, вплоть до лишения свободы и принуждения к эмиграции представителей оппозиции.

Примером такого исхода «политической конкуренции» могут служить события, связанные с репрессиями в отношении экс-премьер-министра Украины Ю.Тимошенко.

Глава миссии ОБСЕ на Украине Дуглас по итогам очередных парламентских выборов 28 октября 2012 г., проводившихся по смешанной системе, заявила, что «злоупотребление властью, большая роль денег на этих выборах говорят о том, что демократический процесс начал сворачиваться»²⁵.

Американские официальные круги также назвали эти выборы «шагом назад в вопросе демократии»²⁶.

Авторитаризм постсоветских режимов – явление не статичное, но развивающееся циклами, границы которых совпадают с легислатурой центрального института президента или экстраординарными процедурами смены власти (смещением действующих глав государств в Киргизии; отказом от продолжения полномочий первого российского президента).

Однако в каждом последующем цикле власть стремится регенерировать режим на «восходящем уровне», поэтому логика авторитарных механизмов предполагает их развитие по траектории «устранения сначала непосредственных, затем – потенциальных угроз» и расширения контроля над обществом. «Развитие идет от

безальтернативности президентской власти к «безальтернативному» (т.е. определенному самой президентской властью) составу парламента, «безальтернативным», назначенным губернаторам и даже – «безальтернативным» комментариям политических событий по телевидению»⁹. Пределы «совершенства системы» определяются накалом протестного движения или необходимостью фондирования предвыборных кампаний.

Обычная для 90-х годов процедура роспуска оппозиционных парламентов* в современной политической практике уступила место современному механизму формирования единодушно поддерживающего власть законодательного собрания. Некоторые отклонения, заключающиеся в парламентских дебатах, в целом не меняют общего политически гомогенного ландшафта интегрированного вокруг вертикали исполнительной власти.

При формировании нынешнего облика авторитарные режимы прошли несколько общих ступеней:

– *Во-первых*, по мере укрепления положения президента – центральной фигуры, практически все миновали этап освобождения от «команды», способствовавшей обретению власти. В значительной мере это объясняется неспособностью бывших соратников адаптироваться к новой роли безусловно подчиненных;

– *Во-вторых*, выстраивание вертикали авторитарного режима сопровождалось преодолением препят-

* Президенты новых независимых государств распускали парламенты: Акаев – в Киргизии в 1995 г., а Назарбаев – в Казахстане в 1993 и в 1995 гг. Лукашенко распустил парламент в Белоруссии в 1996 г. И только в Молдавии конфликт президента Лучинского и парламента завершился победой последнего и переходом к парламентской республике.

ствий, связанных с сепаратизмом и амбициями региональных элит*;

– *В-третьих*, становление зрелых форм авторитаризма через устранение конкуренции с носителями социальной силы – представителями крупного капитала, претендовавшими на долю властных полномочий.

Все указанные процедуры, с той или иной степенью масштабности, осуществил каждый из постсоветских авторитарных режимов, а на уровне управленческих решений и те режимы, которые принято относить к переходным в направлении демократии стандартов, сформированных развитыми странами. Отказ этих режимов от собственного опыта стал причиной реанимирования из далекого прошлого экзотических политических реалий.

Например, в России, Казахстане, на Украине появились давно исчерпавшие свой исторический ресурс сословные казачьи организации.

В постсоветских республиках Азии вновь расцвела и приобрела новое социальное значение внутризнтническая межродовая политическая конкуренция, активно репродуцируемая правящими режимами.

На фоне аксиологической деградации новую гипертрофированную роль в политической жизни постсоветских стран стали играть религиозные организации, опора на которые приобрела для новой власти особый смысл. Безусловно, роль религии в формировании политического пространства независимых государств не однозначна. Социумы, в большой степени сохранившие традиционные черты, стали наиболее имманент-

ной средой политизации профессиональных отношений.

Из-за своих родовых признаков постсоветский политический класс не способен к адекватной рефлексии современных глобальных вызовов и национальных потребностей. Целеполагание практически всей властной элиты ННГ формируется вокруг главной стратегии сохранения доминирующего положения в политической системе общества и обусловливается присущими «новому» политическому классу качественными признаками: срастанием или полным совпадением с олигархическими группами, завладевшими большей частью национального достояния, «лишающими новые политические режимы перспективы демократической поддержки как внутри страны, так и за пределами СНГ»; отсутствием дифференциации власти и собственности, что, в свою очередь, предопределяет формирование неэффективных политических и экономических институтов²⁷; углубляющимся инкорпорированием в глобалистскую систему отношений, альтернативную национальной идентичности в целом, и государственности в частности. Противоречие последней курсу на суверенизацию новых государств вызвало к жизни экстраординарные меры противодействия его расширению.

В соответствии с федеральным законодательством российские чиновники всех уровней, военнослужащие, сотрудники правоохранительных ор-

* Неспособный преодолеть сепаратизм местных кланов, режим Э.Рахмонова в Таджикистане избрал иную стратегию. Вертикаль центральной власти выстраивается на основе политики «эквilibрирования» на противоречиях регионалов.

ганов, судьи и члены Федерального Собрания до 1 июня 2013 г. обязаны были избавиться от иностранных счетов и недвижимости за рубежом.

Отсутствие механизмов ротации и рекрутирования политической элиты большинства постсоветских республик обуславливает ее замкнутый, статичный характер, сохраняющий узкий канал продвижения во властные структуры представителей партийной номенклатуры, «управляемой оппозиции» в качестве исключения, знаковых фигур интеллектуальной верхушки и др., выполняющий роль инструмента для «подстройки» политической системы. «Паталогическая закупорка» каналов обновления элит имеет далеко идущие последствия.

– *Во-первых*, такое положение механизма ротации продуцирует «неистребимое» явление коррупции как средства реализации «потребительской стоимости» особого социального статуса представителей истеблишмента.

– *Во-вторых*, конкуренция в публичной политике (которая в большинстве постсоветских государств является, по сути, декоративной) подменяется латентной конкуренцией элитных корпораций и кланов.

Например, в Узбекистане элита структурируется по интересам региональных кланов, наиболее крупными из которых являются: ташкентский, ферганский, самаркандский, сурхандарьинский и хорезмский²⁸. Самодостаточный организм правящей элиты по мере своего развития структурируется и иерархизируется по степени приближенности к источнику власти. Другие критерии дифференциации клановых сообществ – родовые, профессиональные, терри-

ториальные и т.д. – приобретают все больше перфектный характер. Вследствие этого очевидно проявляется природное тождество кланов азиатских постсоветских республик и европейских ННГ. Кроме того, политологи отмечают появление на постсоветском политическом пространстве «новых кланов», формируемых на основе корпоративных интересов предпринимателей среднего бизнеса, претендующих на присутствие во властных структурах на местах. «Новые кланы» лишь осложняют и без того достаточно острый характер межклановой конкуренции и способствуют росту коррупционных оборотов.

– *В-третьих*, «клановый сепаратизм» предполагает наличие безальтернативного «арбитра», роль которого выполняет глава исполнительной власти страны, черпающий дополнительный ресурс авторитарности в своем надклановом положении. Любая деструкция этого центрального элемента политического конструкта (в большей степени его смена) приводит к политическому кризису в стране с непредсказуемыми последствиями.

В качестве феномена, саморегулирующего установленный порядок, постсоветская политическая реальность продуцировала институт «премьерников» высшей власти, не говоря о центральноазиатских республиках, этот институт стал атрибутом российского и белорусского политического процесса.

Дополнительный источник легитимности постсоветских режимов – присутствие в общественном сознании представления (являюще-

гося исторически детерминированным ментальным атрибутом) о несовершенствах и изъянах как неизбежных спутниках переходного состояния. Отчасти устойчивость таких нарративов обусловлена отождествленностью прогресса с движением по «западной цивилизационной» парадигме, несмотря на сбой нормативной модели, по-прежнему определяющей, по крайней мере декларируемую, цель продвижения по пути реформ.

Так же как в советское время, все недостатки строя оправдывались издержками движения к построению идеального общежития, современные неустройства находят свои объяснения в трудностях продвижения к универсальным целям, якобы имеющим всеобщий характер. Лидеры постсоветских государств ориентируют поиск причин деструктивных явлений политического и социально-экономического порядка на переходный характер переживаемого этапа развития.

По случаю седьмой годовщины Конституции Казахстана президент Н.Назарбаев заметил: «Мир не знал теории и методологии переходного периода образца конца прошлого века, но был опыт других стран. Известный стратег-экономист Ли Куан Ю Сян, вытянувший Сингапур из небытия в число развитых стран, а также работавший советником Дэн Сяопина, сотворившего «китайское чудо», не устал повторять: «Сначала – экономика, потом – политика». СССР, а затем Россия, за ней и мы пошли обратной дорогой. Результат тех лет налицо. Затем все безоглядно ринулись внедрять западные ценности, не особенно стараясь понять, что они

есть не Богом данные вещи, а продукт достаточно длительного, непростого исторического процесса»²⁹.

Об устойчивости феномена «переходности» в общественном сознании и политической практике постсоветских республик, обещающего на долгую перспективу определять официальную риторику, говорит тот факт, что оппозиция нынешнему режиму Астаны, сформулировавшая в «подмётном письме» требование назначения преемника главы государства, также заявила о необходимости длительного «переходного периода» к демократии³⁰.

Имитация перехода к «общечеловеческим демократическим ценностям» позволяет, во-первых, обеспечивать лояльность мирового сообщества, «законодателями» которой являются развитые страны Запада, а, во-вторых, осуществляя в «ручном режиме» косметические шаги в направлении демократии, постоянно регенерировать убывающий потенциал легитимности власти.

Устойчивости «переходного состояния» большинства политических режимов способствует негативный опыт форсированных демократических преобразований в условиях отсутствия политической культуры населения постсоветских стран и традиции уважения закона.

Происходящие на Западе перемены, в том числе сужение сферы публичной политики, обусловленное доминированием узкого слоя финансовой элиты крупного капитала³¹, обнажили отличие политического порядка стран «развитой демократии» от «догоняющих» государств. Главное отличие заключается в том, что за-

падная цивилизация, основанная на абсолютизации частной собственности и «рациональных» принципах экономической деятельности, выработала за многовековую историю устойчивый иммунитет к любым проявлениям правового нигилизма.

«В рыночном обществе, – писал К.Поланьи, – только в нем экономический механизм устанавливал закон».

Необходимость правового основания рациональной рыночной экономики обусловлена, по К.Поланьи, реципрокной формой интеграции, институционализирующей и воспроизводящей ее «внутреннее единство и стабильность»³².

Правовое государство стало не следствием культурного совершенства, а необходимым условием институционализации экономических оснований и остается неизбежным атрибутом западного общества.

Демократия, провозглашаемая главным завоеванием стран развитого капитализма, существует лишь на уровне процессуальной нормы.

Проблема западной демократии и режимов, выбравших последнюю в качестве стратегической цели, заключается не только в несовершенстве механизма ее реализации (хотя для доказательства этого факта не требуется больших интеллектуальных усилий).

Например, последние президентские выборы в США (6 ноября 2012 г.), по мнению представителей Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, не являлись прямыми, всеобщими, равными, справедливыми и прозрачными³³.

Важнее отметить произошедшие в западном мире трансформации, обуславливающие необратимые изменения в архитектуре общества, несовместимые с демократическими процедурами.

Учитывая интерактивный взаимообусловленный характер процессов становления частной собственности и правового пространства, можно утверждать, что закономерности, лежавшие в основе формирования западной цивилизации, имеют исторически специфический контекст и не могут являться универсальными, в том числе и потому, что, так же как низко мобильное в плане социальных трансформаций, традиционное общество, становление «западнизма» (по А.А.Зиновьеву, именно этот термин наиболее приемлем для цивилизационной характеристики)³⁴ и его институтов происходило на протяжении целой эпохи.

Например, система земского мира Священной Римской империи, поддерживаемая всеми ее субъектами, тем не менее формировалась на протяжении четырех веков (Майнц 1103 г.; Вормский рейхстаг 1495 г.)³⁵.

Реализация западных норм демократии, так же как их имитация в трансцендентной социально-политической среде новых независимых государств, лишь укрепляет основание критики этого опыта и дает дополнительный аргумент в пользу позиции, согласно которой демократические реформы постсоветских государств за отсутствием объективной почвы не имеют хронологически обозримых границ.

Конституционная ротация власти и политическая конкуренция, являющиеся в представлении институционалистов необходимым атрибутом демократии, сопровождаемые на Украине, в Армении, Грузии и т.д. применением физической силы, тюремными заключениями и шантажом оппонентов, только дополняют уве-

ренности в правоте сторонникам «управляемой демократии». Кроме того, сама процедура ротации власти на постсоветском пространстве, как правило, не отражает реальные политические предпочтения большинства граждан. Движущие силы процесса смены власти лежат в плоскости интересов элитарных сообществ или являются следствием внешнеполитического влияния. И что самое главное, вне правового пространства и в условиях разрушенных нравственно-этических ограничений смена власти не приводит к смене политического режима. Каждая вновь инкорпорируемая во власть элита с точностью до деталей регенерирует прежний политический порядок, настолько же отстраненный от интересов общества, как и упрекаемые в антидемократичности постсоветские авторитарные режимы Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и т. д.

Например, сегодняшняя администрация Украины, использовавшая в борьбе за власть риторику, отвечающую интересам русскоязычного населения (придания русскому языку статуса государственного под лозунгом «Два языка – один народ»³⁶), победив президентские и парламентские выборные кампании, замечательно скорректировала свою позицию в угоду этноцентризму.

Даже прямые экономические выгоды от вступления в Таможенный союз Белоруссии, Казахстана, России не сыграли решающей роли в выборе внешнеполитической стратегии украинской власти. Вопреки интересам большей части граждан главным смыслом, фундирующим позицию руководства Украины, остается стремление увеличить политическую дистанцию, отделяющую

бывшую союзную республику от России.

Постсоветские политические режимы, утратившие историческую связь с социально-политической традицией и не обретшие оснований в либерально-демократических ценностях, отличаются нестабильностью.

Крайними проявлениями нестабильности постсоветского политического ландшафта стали периодические внутривнутриполитические кризисы, причина которых, наряду с основаниями, определяемыми уровнем благосостояния населения, коренится в увеличении сверхдоступных масштабов зазора между потребностями общества и стратегией власти.

Например, неадекватной с точки зрения функциональности социальной системы выглядит стратегия, входящая в круг приоритетов постсоветских администраций и доминантная для элит новых независимых государств, направленная на достижение высокого уровня инвестиционной привлекательности.

Иллюстрируя сказанное, заметим, что прямые иностранные инвестиции в Казахстане составляют менее 10% от общего объема средств, поступающих из-за рубежа. Доля иностранных средств в развитии основного капитала этой страны в 2012 г. составила 17,4% от всего объема направленных средств³⁷.

Из поступивших в Россию в 2012 г. иностранных инвестиций было вложено в основной капитал только 10,4%, на обучение и переподготовку кадров – 0,017%, на покупку технологий – 0,026%³⁸.

Очевидно, что привлекаемые заграничные средства обслуживают потребности, аккумулированные в руках узкого олигархического круга финансового сектора, и к интересам

общества не имеют никакого отношения.

Не отвечает интересам общества официальный курс приоритетной поддержки банковской системы, особенно проявившийся в годы обострения мирового финансового кризиса. Вопреки ожиданиям населения, заинтересованного в развитии реальной экономики, обеспечивающей благосостояние основной массы граждан, помощь государств была ориентирована прежде всего на создание условий стабильного функционирования финансовых институтов.

Неадекватность такой политики потребностям общества хорошо иллюстрирует реплика главы ВЭБ В.Дмитриева на XVII петербургском международном экономическом форуме (2013 г.), критиковавшего отечественный банковский сектор за обслуживание, в первую очередь потребностей финансово-олигархических корпораций: «Нам говорят, что российская экономика закредитована и наращивать кредитование не стоит. Однако если разобраться в структуре этих кредитов, то окажется, что мы выдали 1,5 триллиона рублей кредитов на сделки слияния и поглощения. На обновление же основных фондов в два раза меньше – всего 750 миллиардов. В итоге получается, что закредитованность возникла из-за того, что банки обслуживают перетоки олигархического капитала»³⁹.

В свете очевидно несостоятельного выглядит аргумент власти в пользу приоритетной политики поддержки банковского сектора, якобы составляющего «питательную среду для развития экономики».

Содержание общественных потребностей в возрастающем значении обуславливают нематериальные факторы. В ряду качеств общественной жизни, особенно волнующих граждан бывших союзных республик, акцент смещается в сторону та-

ких сущностных характеристик, как законность, справедливость и социальная стабильность. Подтверждением этого положения могут служить данные Евразийского мониторинга социального настроения населения стран постсоветского пространства, полученные зимой 2012/2013 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение удовлетворенности населения материальным положением и социальным статусом

% к общему количеству респондентов

Страны	Удовлетворенных социальным положением	Оценивших собственное материальное положение как «хорошее» и «среднее»
Узбекистан	95	97
Киргизия	77	95
Таджикистан	75	87
Казахстан	74	93
Латвия	67	68
Россия	62	85
Литва	60	64
Белоруссия	55	71
Армения	51	71
Украина	41	56
Молдавия	30	52

Приведенные в табл. 1 сравнительные показатели социальной адаптации и самооценки материального положения свидетельствуют о наметившемся разрыве между социальным и материальным самочувствием граждан бывших союзных республик.

Тождество сравниваемых показателей по Узбекистану (учитывая рост миграции трудоспособного населения страны) может быть

признано исключением, обусловленным закрытостью общества.

Симптоматично приблизительное совпадение величин показателей по Латвии и Литве, в которых социальная перспектива, поддерживаемая большинством титульного населения, реализована интеграцией стран в Европейский союз. Однако, имея в виду именно это обстоятельство, следует заметить, что инкорпорация прибалтийских республик в социально-политическое пространство Запада, ценности которого заявлены в качестве целевых установок других постсоветских государств, не обеспечила достаточного уровня социальной комфортности населения.

Таким образом, примитивный взгляд на решение проблемы стабилизации постсоветских режимов через достижение определенных результатов в повышении материального благосостояния граждан не выдерживает критики. Безусловно, высокий уровень материального положения населения, при прочих равных условиях, уменьшает риск волатильности социально-политического пространства, но не является абсолютной доминантой в наборе факторов, определяющих стабильность социальной системы.

Более важной в этой связи представляется способность политического режима к консолидации общества вокруг социально значимых целей и ориентиров, естественной составляющей которых является национальный опыт.

Подчеркивая важность преемственности социально-политического процесса и деструктивность дискретности его содержания, замечательный мыслитель современности Т.Иглтон пишет: «Как настоящее, так и будущее, обеспечи-

ваются ресурсами прошлого, прежде всего в плане конструктивных политических традиций, за которые надо сражаться, чтобы выжить»⁴¹.

При этом, по мнению замечательного отечественного общественного деятеля XIX столетия К.П.Победоносцева, попытка внедрения в общественно-политическую среду не укорененных на национальной почве идей и политических учений «ведет повсюду к крайней деморализации общественной мысли, к ослаблению политического смысла целой нации»⁴².

Ориентация на трансцендентные ценности лишает постсоветские режимы долгосрочной стратегии развития, основанной на национальных интересах. Именно с этим обстоятельством прежде всего связана деидеологизация политических решений руководства новых независимых государств* и трудности выработки долгосрочных социально-экономических программ. Как правило, управление постсоветских республик осуществляется ситуативно, «в ручном режиме», а идеология правящего класса сводится к обеспечению лояльности.

При этом постсоветские политические режимы – явление не статичное. Даже самые консервативные из них подвержены модернизационным тенденциям. Однако в силу целого ряда факторов общественного и субъективного характера существуют трудности парадигмальной идентификации эволюционного целеполагания постсоветских политических режимов. Самым тривиальным в ряду возможных аппроксимационных модусов режимных трансформаций новых независимых государств является воспроизводство в когнитивной и общественной практике

* В этом контексте выражение: «Отсутствие идеологии – тоже идеология» вполне справедливо.

алгоритма социального развития, выработанного опытом Запада.

Вместе с тем ближайшее рассмотрение результатов форсированного внедрения западной цивилизационной модели на постсоветском пространстве показывает либо неадекватность ее содержания условиям среды укоренения, либо противоречивость собственного лексического, нормативного и национального контекста.

Для иллюстрации сказанного обратимся к оценкам либерально настроенных политологов «посткоммунистических режимов трансформаций»⁴³.

По мнению большинства из них, Грузия, Молдавия и Украина относятся к странам, следующим «по пути демократии», траектории которых (в сравнении с прибалтийскими странами «демократической консолидации») «более неровные, «ухабистые». Эти страны стартовали с различных структурных условий и испытали различные политические кризисы разного масштаба и остроты. Тем не менее лидерам этих стран удалось, в конечном счете, проложить курс в направлении создания демократических институтов и практик»⁴³.

За время президентства М.Саакашвили Грузия серьезно продвинулась по пути вестернизации: значительно сократился государственный аппарат управления (из 18 министерств осталось 13, из 52 ведомств – 34, в оставшихся учреждениях количество служащих уменьшилось на 40–50%), искоренена коррупция в правоохранительных органах, реформировано лицензионное и налоговое законодательство (из ранее взимаемых 22 налогов осталось 6), завершилась приватизация госсобственности (в частные руки передано более 4 тыс. объектов), в международном рейтинге условий ведения бизнеса эта страна продвинулась со 150-го места на 11-е, опередив Швецию⁴⁴.

Однако продвижение грузинских реформ осуществлялось с помощью силовых методов, вызывающих общественное отторжение. Ликвидация коррупции на нижнем и среднем уровне государственной иерархии не исключала ее расширения в высшем эшелоне власти.

Чрезмерное злоупотребление власти силовыми методами привело к гипертрофированию функций правоохранительных структур (в 2010 г. на тюрьмы бюджет потратил в два раза больше средств, чем на содержание основной, аграрной, отрасли экономики), методы реализации налоговой политики Международная организация *Transparency International* определила как «налоговый терроризм», второе дыхание приобрели обычные для постсоветского пространства явления непотизма и клановости. Протестное движение в Грузии, несмотря на противодействие со стороны официальных структур, реализовалось в победе на парламентских выборах сторонников (неслучайно названной) партии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия», основанной в мае 2012 г. бизнесменом Б.Иванишвили.

Стремление администрации В.С.Януковича следовать рекомендациям Европейского союза по сокращению дистанции между украинским обществом и странами развитой демократии, вопреки ожиданиям сторонников европейского выбора, не привело к ослаблению социальной напряженности.

По данным исследования, проведенного в мае 2013 г. фондом «Демократические инициативы им. Илька Кучерива» и Центра Раумкова, более четверти украинцев (25,5%) считают, что в ближайшее время в их селе или городе могут состояться массовые протестные выступления в случае ухудшения жизни или ради защиты своих прав и свобод (7,5% в этом уверены и еще 18% считают это полностью вероятным).

В то же время 39% граждан считают, что это маловероятно, а 26% уверены, что таких массовых выступлений в ближайшее время не будет.

Сравнительно с октябрём в 2012 г. протестные настроения в украинском обществе выросли. Тех, кто уверен, что массовые выступления состоятся, или считает их очень вероятными, стало больше суммарно на 9%.

Онамерении лично принимать участие в протестных акциях заявили 25% украинцев (9% – «обязательно» и еще 18% – «скорее всего»).

В то же время 36% населения не собирается принимать участие в митингах и демонстрациях, еще 25%, скорее всего, не будут приобщаться к таким акциям. Сравнительно с октябрём в 2012 г. количество людей, которые готовы выходить на улицы, выросло на 5% и значительно уменьшилось количество тех, кто точно не собирается протестовать, – с 51% до 36%. Причем 56% опрошенных заявили о том, что власть игнорирует общественные настроения⁴⁵.

Недовольства населения Молдавии проявляются еще более отчетливо. «Идеология неолиберального зла, – пишет молдавский политолог Е.Собор, – суть которой «каждый за себя» терпит сегодня крушение во всем мире, в том числе в Молдове»⁴⁶.

Наиболее вероятной в условиях постсоветской политической реальности* парадигмой режимной трансформации является консервативная модернизация, осуществляемая «сверху» доминирующей в политической системе исполнительной властью, персонифицированной на ее руководителе.

Подтверждений такому выводу достаточно: в Казахстане «собрание» в государственную собственность ведущих активов страны, подкрепленное введением статуса Елбасы** для Президента Казахстана, увеличение срока президентских полномочий в России, активная борьба высшей государственной власти Узбекистана с сепаратизмом и попыткой мо-

нополизовать власть на местах клановыми сообществами, неудачная попытка президента сохранить руководящее положение в исполнительной власти в результате конституционных изменений статуса премьер-министра и т.д.

Именно тренд укрепления вертикали исполнительной власти в постсоветских республиках, как атрибут консервативной модернизации режимов, является предметом либеральной критики и главным критерием их «удаленности» от мейнстрима общечеловеческих ценностей.

Имея в виду эти критерии, исследователи, ориентированные на западный выбор, относят Армению, Киргизию, Россию к «проблемному типу режимных траекторий», «на ход которых влияли преимущественно решения и действия политических акторов». В их представлении «неспособность или нежелание искать компромиссы, избегать насилия, страх перед открытой политической конкуренцией и боязнь потерять власть (а вместе с ней и собственность) – все это привело к возникновению гибридных режимов с неопределенным будущим»⁴³.

Кластером «пути к автократии» объединены Азербайджан, Белоруссия, Казахстан и Таджикистан, общей характеристикой которых «стали действия политиков-автократов, сформировавших явно недемократические режимы с сильным персоналистским компонентом»⁴³.

«Наконец, две станы шестого кластера («Консолидированные автократии») – Туркменистан и Узбекистан, по мнению авторов, дают нам не вызывающие сомнения примеры замены «советского авторитаризма» «постсоветским», основанным на неопатримониальных и султанатских практиках»⁴³.

Приведенная классификация постсоветских режимов по критериям соответствия нормам западной демократии не выглядит убедитель-

* Исключая прибалтийские республики, инкорпорированные в европейское политическое пространство.

** Елбасы – национальный лидер.

но, если иметь в виду наличие «двух образов «демократии: «как тотальности общей воли» и «как суммы личных интересов»⁴⁷.

Вряд ли бесспорна критика авторитаризма при учете общественных на-

строений постсоветских республик. По данным Евразийского мониторинга, большая часть их населения вполне одобряет деятельность органов власти, в том числе персонализированной власти президента (рис. 2).

Таким образом, порядок предполагающий доминанту вертикали исполнительной власти, установленный и функционирующий при одобрении большинства населения, можно характеризовать антидемократическим, только игнорируя мнение граждан.

В то же время направления режимной трансформации постсоветских стран, активно поддерживаемые политическим сообществом Запада, по-видимому, «случайно» совпадают со средствами достижения «управляемого хаоса», подсказанными Стивеном Манном в 1992 г.⁴⁸ для завоевания геополитического превосходства странами развитого ка-

питала. В его представлении таковыми являются: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов населения, прежде всего элит; вытеснение традиционных ценностей и идеологии.

С автором этих рекомендаций вряд ли можно спорить. Реализация модернизационного проекта, основанного на западных ценностях, оторванного от традиций и национальных корней, действительно не принесет положительных результатов. Революционное внедрение норм западной цивилизации в Восточной Европе наглядно свидетельствует, по

крайней мере, о не бесспорности выбора бывшими странами социал-демократии стратегии своего развития.

В сравнении со средними стандартами Европейского союза, доход на душу населения в Польше составляет всего 37%, в Болгарии и Румынии – менее 30%⁴⁹.

Направление трансформации политических режимов не имеет альтернативы. Единственно возмож-

ным целеполаганием эволюции политического ландшафта постсоветских государств может быть только достижение демократии как «тотальности общей воли».

С 2005 по 2012 г. настроение россиян в отношении необходимости демократического выбора практически не изменилось. Более половины населения считает, что демократия нужна стране⁵⁰ (табл. 2).

Таблица 2

Нужна ли России демократия?

Ответы респондентов	Годы и месяцы опроса:									
	2005	2006	2007	2008	2009	2009	2010	2011	2011	2012
	VI	XII	XII	VI	VI	XII	VI	VII	X	VII
Да, России нужна демократия	66	56	67	62	57	57	60	55	61	63
Нет, демократическая форма правления не для России	21	27	16	20	26	23	24	32	25	24
Затрудняюсь ответить	13	17	17	18	17	20	16	13	14	13

Однако большинство населения России не связывает демократический выбор с западной моделью общественного устройства. Почти 40% россиян уверены в том, что нашей стране необходима совершенно особая, соответствующая национальным традициям парадигма демократии.

Экспертные сообщества постсоветских государств предлагают несколько вариантов реализации консервативной режимной трансформации. Например, один из проектов

предполагает легализовать особые полномочия институтов президента (что фактически сделано в Туркменистане и Казахстане) и осуществлять выборы в высшие законодательные собрания (долженствующие стать реальным органом представительства общественной воли) не по партийным спискам и не на основе электоральной «игры» кандидатов мажоритарных округов, слабо отражающих общественные предпочтения, а в соответствии с реально сложившейся социальной структурой обществ⁵¹.

Какая демократия нужна России?

Ответы респондентов	Годы и месяцы опроса:									
	2005	2006	2007	2008	2009	2009	2010	2011	2011	2012
	VI	XII	XII	VI	VI	XII	VI	VII	X	VII
Такая, как в развитых странах Европы, Америки	24	18	22	20	20	23	23	23	19	27
Такая, как была в Советском Союзе	16	13	10	13	18	14	17	16	14	20
Совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России	45	48	47	45	39	43	44	45	49	38
России не нужна демократия	6	10	7	8	10	7	7	7	7	3
Затрудняюсь ответить	9	11	14	15	14	13	10	10	11	12

Парадоксально (с точки зрения формальной логики), но оптимальная модель консервативной режимной трансформации требует верного определения стратегических направлений реформирования ориентированных не на цель догонять Запад или сохранить неработающие рудименты общественных устоев, а на адаптацию социально-политической системы к вызовам, обусловленным перспективными трендами общественного развития.

Разъясняя свое негативное отношение к демократическому режиму К.П.Победоносцев отмечал один из его изъянов, а именно: «Существующая система выборов всеобщую подачу голосов: в больших государствах это ведет к преобладанию массы, принадлежащей к классу наименее образованному и не имеющей ясного сознания ни о делах государственных, ни о людях, способных управлять ими. Естественным последствием всего этого является полнейший упадок законодательных собраний или демократических парламентов. По демократической теории избранный представитель народа призван подавать свой голос не за то, что он признает полезным для народа или разумным и справедливым, но за то, что признают лучшим и нужным люди той партии, которая выбрала его и прислала, хотя бы это не согласовалось с личным его мнением. Таким образом, выбор представителей превращается в игру партий, столь же страстную, как всякое игорное состязание, — игру, управляемую интригой, лживыми приманками и подкупом. Так и законодательство попадает в руки людей непросвещенных, нерассудительных, нередко и корыстных, или равнодушных ко всему, что не соединено с интересом партии. Мало-помалу от участия в этой игре устраняются все люди прямой мысли, честного духа и высшей культуры, особливо, когда каждый из них имеет на руках дело своего специального признания»⁴².

Безусловно, тех, кто должен стоять у кормила власти, П.К.Победоносцев предлагал

искать не в среде «охваченной похотью обогашения» и не в «народной массе», а в рядах родовой аристократии, сохранявшей «понятия чести» и являвшейся носителем национального культурного достояния.

Актуальность мыслей замечательного соотечественника заключается, конечно, не в указании доминантной общественной роли аристократии, тем более что таковая в современной социальной иерархии отсутствует. Главное на что следует обратить внимание, заново прочитывая труды мыслителя, заключается в верном понимании основ государственного устройства, опирающегося на наиболее «передовую» часть социальных сил. Нет сомнения, что проницательный ум К.П.Победоносцева сегодня искал бы возможность совершенствования государственного устройства за счет замещения правящего класса интеллектуалами-профессионалами, являющимися социальным носителем ведущей тенденции трансформации общества в постиндустриальное. Действующие правительства постсоветских государств формируются в основном по принципу влияния в бизнес-элите (табл. 4).

Конечно, приведенные данные (табл. 4) лишь отчасти характеризуют проблему. Недопустимым упрощением было бы считать, что простое замещение должностей в исполнительной власти претендентами формально (по наличию соответствующего образования) соответствующими искомой должности, хоть сколько-нибудь продвинет решение проблемы поиска профессиональных управленцев.

Главное заключается в том, чтобы непосредственно сферу государ-

Состав правительств

В правительстве, всего	Занимающих должность		Пришедших во власть из бизнеса
	в соответствии с профессиональным образованием	не в соответствии с профессиональ- ным образованием	
Казахстан*			
100	42,8	57,2	28,5
Украина**			
100	23,8	76,2	34,7

* Подсчитано на основании данных правительства Республики Казахстан. Официальный сайт // URL: <http://ru.government.kz/structure/government>

** Подсчитано на основании данных правительственного портала // URL: http://www.kmu.gov.ua/control/ru/publish/article%3fart_id=245904347&cat_id=245041888

ственного управления вывести за пределы политического пространства, заменив механизмы рекрутирования во властные структуры, основанные на личной преданности главе государства или представительстве интересов бизнеса, на механизмы, открывающие дорогу во власть профессионалам, имеющим собственное видение перспектив развития управляемой отрасли. Партийная принадлежность, политические предпочтения, опыт административной работы, избрания в представительные органы и тем более лоббирование интересов бизнес-тур или родственные отношения не должны быть критериями оценки пригодности к замещению высокой государственной должности.

В рамках консервативной модернизации выстроить такой механизм вполне возможно именно при наличии сильного института президента,

наделенного статусом, исключающим конкуренцию. Думается, неслучайно в этой связи состав правительства Казахстана выглядит в большей степени профессиональным и менее ангажированным соображениями политической и личной лояльности руководству страны, чем на Украине.

Тенденция вращаясь общества в постиндустриальную формацию, помимо императива инкорпорации во властные структуры специалистов соответствующей отрасли, имеет другую коннотацию, а именно возрастающий потенциал осуществления прямой демократии. Эту особенность современного политического процесса отмечают многие исследователи⁵². Проявляющаяся техническая возможность использования принципов прямой демократии в организации диалога общества и власти способна внести кардинальные сущностные изменения в действующую модель политической си-

стемы постсоветских государств. В научном сообществе уже созрели проекты режимной трансформации, в целом согласующиеся с указанными парадигмами, инициированными интеллектуализацией цивилизационного пространства.

Один из таких проектов⁵³, заслуживающий внимания, предполагает создание единой «управленческо-правовой системы, в которой доминируют профессиональные специалисты, а не политики». При этом государство «препятствует проникновению во власть коллективистских идеологий», раскалывающих «общество на враждующие коллективы, внушая превосходство неких религиозных, национальных, политических (партийных), материальных и других сообществ». Отправной точкой системы авторы считают Учредительное собрание, «где граждане всеобщим голосованием признают себя суверенным народом и прово-

дят процедуру постулирования и принятия цели государства».

Таким образом, единственным носителем функции властвования через реализацию прямой демократии являются граждане, что исключает соединение функции властвования и управления как источника диктатуры. Защиту предполагается осуществлять Хранителям, избранным из числа беспартийных граждан («традиционные обязанности главы государства»). Конституция, согласно проекту, «обеспечивающая достижение цели государства», получает правовое признание от Конституционного совета, избираемого из высших специалистов в сферах и областях знаний. Исполнительный блок в предлагаемой системе выполняет функцию коллективного менеджера «для продвижения конституционной цели на очередном этапе» и действующий на основе договора подряда с главой государства.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что отсутствие ощутимых результатов реформирования постсоветских государств в значительной степени обусловлено статичностью политических режимов, что в свою очередь инициировано неверной установкой, сориентированной на соответствие нормативной демократии, не имеющей оснований для упрощения на постсоветском пространстве.

Определение возможных границ внедрения западного опыта социально-политического развития и ясное представление о собственном пути продвижения демократических ценностей позволит снять искусственно созданные препятствия реформирования новых независимых государств и устранить постоянно инициируемые западным сообществом обвинения в «недоцивилизованности» постсоветских социумов.

Примечания

¹ Общее и особенное в политическом развитии России и других стран СНГ. Пути российского посткоммунизма. Очерки / под ред. М.Липмана, А.Рябова. М.: Московский центр Карнеги, 2007.

² *Суздальцев А.И.* Постсоветское пространство: уходящая реальность // Мир вокруг России: 2017 – контуры недалекого будущего // URL: <http://www.polit.ru>

- ³ Дахин В.Н. Политические проблемы постсоветского пространства // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / под общей ред. Т.И.Заславской. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 115, 117, 119.
- ⁴ Исследовательский проект: «Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов». Апрель-май 2009 год. Краткий аналитический отчет. М., 2009. С.43 // <http://rb.com.ua/upload/090909.pdf>
- ⁵ Юбилейные даты 2011 года: Research & Branding Group. 2011. С.5 // <http://rb.com.ua/upload/PrezentGod032011ru.pdf>.
- ⁶ В Турции Назарбаев предложил объединить 200 млн турков // Казахстанформ. 2012. 13 октября.
- ⁷ Пресс-службы Президента Республики Узбекистан // URL: http://www.press-service.uz/ru/news/show/pozdravleniya/#ru/news/show/pozdravleniya/vyistuplenie_prezidenta_islama_karimo_2
- ⁸ Демидов С.М. Постсоветский Туркменистан. М., 2002. С. 102–103.
- ⁹ Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других стран. М., 2010. С. 22–23, 54, 57–58.
- ¹⁰ Конституция Туркменистана // URL: http://www.turkmenistan.ru/?page_id=9&lang_id=ru&elem_id=2251&type=event&sort=date_desc
- ¹¹ Мусаев О. Права человека в Туркменистане – на высоте демократических преобразований // URL: http://niyazov.sitcity.ru/ltext_2010114405.phtml?p_ident=ltext_2010114405_p_0411151212
- ¹² Речь Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова на совместном заседании общенационального движения «Галкыныш» и Демократической партии Туркменистана // URL: http://www.turkmenistan.ru/?page_id=4&lang_id=ru&elem_id=10724&type=event&sort=date_desc
- ¹³ Янукович В. В Украине сложилась своеобразная демократия // Утро.ua. 2013. 11 июня.
- ¹⁴ Сурков В.Ю. Наша российская модель демократии называется «суверенная демократия» // URL: <http://web.archive.org/web/2008043012854/http://www.edinoros.ru/news.html?id=114108>
- ¹⁵ Назарбаев о развитии демократии в Казахстане: Стакан наполовину полон // URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-o-razviti-demokratii-v-kazhstane-stakan-napolovinu-polon-232406
- ¹⁶ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Перечень основных претензий и рекомендаций международных организаций и НПО к Латвии по правам национальных меньшинств // URL: <http://www.mid.ru/bdomp/Ns-dgpcn.nsf/05a95604fc81125843256da400378f3b/432569ee00522d3c43256e00003017ad!OpenDocument>
- ¹⁷ Мониторинг миграционных настроений соотечественников, проживающих за рубежом. М.: МИД РФ. 2012 // <http://ruvek.ru/media/journals/Monitoring.pdf>
- ¹⁸ Косолапов Н. Прообраз посткапитализма // Россия в глобальной политике. Т. 11. 2013. № 1. Январь-февраль. С. 105.
- ¹⁹ Сайтова Э.Ф. Трансформация политических режимов постсоветских государств: теоретико-методологический аспект // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9(52).
- ²⁰ Лавров С. Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 6.
- ²¹ Интеграционный барометр. ЕАБР 2012. Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. СПб., 2012. С. 10, 35 // <http://www.eabr.org/general/upload/reports/doklintbarom.pdf>
- ²² Грозин А.В. Туркменистан: элита, текущая ситуация и перспективы. М.: Институт стран СНГ. 2013. С. 14.
- ²³ Родионов К. Авторитарный откат на постсоветском пространстве // URL: <http://www.corpes.ru>
- ²⁴ Hoeffler A., Bates R.H., Fayad G. Income and democracy: Lipset's Law Revisited // Working Paper № 12/295. 2012. December 17.
- ²⁵ Наблюдатели сочли выборы на Украине непрозрачными // URL: <http://top.rbc.ru/politics/29/10/2012/822380.shtml>

- ²⁶ ЦИК Украины подвел итоги выборов и дал новой Раде «зеленый свет» // URL: <http://ria.ru/world/20121111/910385932.html>
- ²⁷ Алиева Л. Влияние «арабских» революций на постсоветское пространство: «Конец будет тот же» // URL: <http://www.regnum.ru/news>
- ²⁸ Кузьмина Е.М. Политическое развитие Узбекистана на современном этапе // Политические процессы в новых независимых государствах // Вестник научной информации. 2011. № 3. С. 95.
- ²⁹ КазТАГ. 2012. 29 августа.
- ³⁰ Пока Назарбаев в отпуске, появилось письмо о его преемнике // URL: <http://rus.azattyq.org/content/nazarbaev-otpusk-pismo-obschestvennosti/24929499.html>
- ³¹ Чан Ха Чжун. Кризис и Эволюция // Россия в глобальной политике. Т. 11. 2013. № 1. С. 53.
- ³² Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. М., 2006. С. 54.
- ³³ Чуров В., Борисов И., Евланов И., Лысенко В. О соблюдении в США избирательных прав граждан при проведении выборов Президента США 6 ноября 2012 года // Международная жизнь. 2013. Февраль. С. 124–147.
- ³⁴ Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения / вступ. ст. Г.В.Осипова, составление Ю.Н.Солодухина. М.: Астрель, 2008. С. 31–32.
- ³⁵ Antheier H. Deutsche Reichstagstagsakten. Deutsche Reichstagstagsakten unter Maximilian I. Band 5: Reichstag von Worms 1495. Vandenhoeck + Ruprecht, 1981.
- ³⁶ Предвыборная программа партии регионов (на русском языке). Август 2007 г. // URL: <http://www.edrus.org/content/view/5500/47>
- ³⁷ Агентство по статистике Республики Казахстан // URL: <http://investfunds.kz/news/investicii-v-osnovnoj-kapital-v-kazahstane-v-yanvare-aprele-vyrosli-na-79-ia-novosti-kazahstan-33389>
- ³⁸ Френкель А., Мальцева И. Российская экономика в 2012–2014 годах: тенденции, анализ, прогноз // Экономическая стратегия. 2013. № 2. С. 59.
- ³⁹ Обухова Е., Огородников Е. Все ради роста // Эксперт. 2013. № 25 (856). С. 42.
- ⁴⁰ Проект «Евразийский мониторинг». Мониторинг социальных настроений населения стран постсоветского пространства. 2004–2012. Основные результаты. М. 01.03.2013. С. 8, 10 // <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-234.html>
- ⁴¹ Иелтон Т. Почему Маркс был прав. М., 2012. С. 103.
- ⁴² Победоносцев К.П. СПб., 1996. С. 279–280, 281–283.
- ⁴³ Мельвиль А.Ю. Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах // Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Нац. исследования университета «Высшая школа экономики». М.: ИД ВШЭ, 2011. С. 35–36.
- ⁴⁴ Россия и новые государства Евразии III (XVI) // Ежеквартальный журнал 2012. С. 51–59.
- ⁴⁵ Протестные настроения населения: последние тенденции // Украина: информационно-аналитический мониторинг. 2013. № 5–6 (83–84). С. 16.
- ⁴⁶ Собор Е. Молдова на пути к революции «пустых кастрюль» // Международное агентство деловых новостей // URL: <http://madn.com.ua>
- ⁴⁷ Поляков Л.В. Путинская Россия: политическая деградация или политическая модернизация? М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. С. 7.
- ⁴⁸ Mann S.R. Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autumn 1992. P. 62.
- ⁴⁹ Яжборовская И.С. Современная Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: проблемы социального положения и социальной политики // Славяноведение. 2009. № 1. С. 78.
- ⁵⁰ Общественное мнение-2012. М.: Левада-Центр, 2012. С. 25.
- ⁵¹ Третьяков В.М. Почему у нас ничего не получается? // Эксперт. 2013. № 2 (834), № 4 (836).
- ⁵² Труевцев К.М. Год 2011 – новая демократическая волна? // Труевцев К.М.: Национальные исследования университета «Высшая школа экономики». М.: ИД ВШЭ, 2011. С. 23.
- ⁵³ Куриц С., Воробьев В. Каркас конституции государства // Международная жизнь. 2013. № 4. С. 96–110.